

ОБРАЗ МИГРАНТА
В СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ СМИ

Abstract

Nowadays the media are constructing the negative stereotype of concept 'migrant' in public opinion. Such a situation intensifies social tension, contributes to the strengthening of the racist prejudices and may provoke into international strife.

В последние годы мы являемся свидетелями формирования в массовом сознании стереотипа, связанного с понятием *мигрант*, – не в последнюю очередь из-за распространения в средствах массовой информации дискурса на тему миграции в Россию людей из других государств (прежде всего, из стран СНГ). (Под стереотипом будем понимать сильно упрощенные, клишированные представления, с помощью которых осуществляется категоризация предметов и явлений и дается заранее запрограммированная их оценка [Трошина 2000: 69].) Известно, что общественное сознание вырабатывает стереотипы как в отношении «чужих», так и в отношении «своих», однако именно образ «чужих» оказывается особенно искаженным, односторонним и пристрастным. В целом, они воспринимаются более схематично и оцениваются менее благоприятно, чем члены «своей» группы. Эта общая закономерность проявляется и в новой для нас тематической разновидности дискурса (Это именно тематическая разновидность, но никак не жанр, который, по Бахтину, должен характеризоваться не только определенной тематикой, но и устойчивой композицией и стилистикой [Бахтин 1986]. Что касается дискурса о мигрантах, то он может реализовываться в разных жанрах, таких как информационная заметка, аналитическая статья, бытовые разговоры, электронные чаты и форумы и др.) – дискурсе о мигрантах.

Перечислим основные составляющие стереотипа *мигрант*, регулярно встречающиеся в соответствующих публикациях. Мигранты:

- преимущественно выходцы с Кавказа или из Средней Азии (именно они вызывают наибольшую неприязнь, и описываемый стереотип касается прежде всего их, в то время как к мигрантам из Белоруссии, Украины и Молдавии отношение вполне терпимое);
- имеют неопрятный внешний вид;
- часто инфицированы опасными заболеваниями (туберкулез, ВИЧ);
- не имеют образования и профессиональной квалификации, используются в качестве чернорабочих;
- плохо знают русский язык;
- не уважают «наши» правила поведения, обычаи и культуру (*лезут в чужой монастырь со своим уставом*);
- берутся за любую, самую тяжелую и грязную, работу, которую не хотят выполнять коренные жители, готовы трудиться за многократно меньшую заработную плату, получать деньги через «черную» кассу, не иметь страховки и трудовых льгот (Согласие мигрантов на сверхэксплуатацию часто представляется как вытеснение русских с рынка труда и снижение уровня их зарплат);
- обладают сплоченностью, образуют этнические криминальные группировки, занимающиеся ограблениями, наркоторговлей, контрабандой оружия и причастные к терроризму;
- создают острейшие социальные проблемы, обостряя обстановку в российских городах и селах;
- осуществляют отток денег в страны СНГ, тем самым способствуя росту национальных экономик и нанося финансовый ущерб России.

Последствия миграции оцениваются авторами публикаций в лучшем случае как неоднозначные, в худшем – как безусловный вред для интересов нашей страны и серьезная угроза ее безопасности.

Обращает на себя внимание содержательная близость перечисленных признаков к компонентам расистской идеологии, выделенных одним из крупнейших представителей критического анализа дискурса Т. А. Ван Дейком (см., напр. [Дейк 1989]). Ср. также: «... расистский дискурс преувеличивает различия во внешности или культуре «своих» и «чужих» и постоянно объясняет и устанавливает границы, кто включен в понятие «мы», а кто нет (в данном регионе, стране, городе или в его окрестностях). Он сравнивает также «их» нормы и ценности с «нашими» в выгодном для «нас» свете, он «волнуется» только о «наших» ресурсах (территории, доходе, жилье, рабочих местах, культуре и пр.). А еще дальше внимание сосредоточивается на том, что же «они» делают не так, а «мы» так, и как «нашим» интересам угрожают «чужие» [Дейк 2000: 59].

Оппозиция «мы – они» (она же «свои – чужие») и соответствующие стереотипы массового сознания обуславливают использование различных, можно сказать, противоположных, метафор для характеристики понятия *мигрант*, с одной стороны, и новой России, оказавшейся на перекрестке миграци-

онных потоков, – с другой. Обращает на себя внимание тот факт, что мигранты в дискурсе СМИ регулярно предстают в виде некоей неодушевленной массы, ср.: *поток, приток, отток мигрантов, резервуар мигрантов* (страны СНГ), *миграционный взрыв, рабочие руки, рабочая сила, инструмент для вытеснения коренного населения* и даже *антропологическое оружие в необъявленной демографической войне (!)*. Показательны в этом отношении слова К. Ромодановского, директора Федеральной миграционной службы: «*Кто такой мигрант? Это рабочая сила. Конечно, мигранты нужны. Мы еще будем бороться за рабочую силу, за трудовых мигрантов. Это время, возможно, впереди. Страны Европы за это уже бьются – не хватает рабочих рук*» (интервью телеканалу «Вести» 6 июня 2007 г.; курсив мой – Т.С.).

Россия же, напротив, олицетворяется (Ср. концептуальную метафору «Государство – это человек» [Lakoff 1991]) и выступает в роли благодетеля; ее сравнивают с *донором, кормящей мамой, птицей из арабской сказки, которая кормит птенцов собственным мясом* и т. п. Она *оказывает гостеприимство, не бросает вчерашних братьев, закрывает глаза на неравноправную приграничную торговлю, поставляет энергоресурсы по заниженным тарифам* и т. п. Таким образом, неодушевленное понятие (страна) персонифицируется, а люди (мигранты), наоборот, обезличиваются. Понятно, что эти взаимно противоположные метафоры неслучайны: трактовка мигрантов как неодушевленной массы способствует закреплению схематического и предвзятого образа (стереотипа), в то время как олицетворение России подчеркивает ее *благородное поведение* в отношении чужих и истинно *человеческие качества*.

Разумеется, образ мигранта в СМИ не всегда «деперсонифицируется». Обезличивания обычно не происходит в материалах, выражающих сочувствие к участи этих людей, озабоченность по поводу их бедственного положения в современной России, ср. *бесправные гастарбайтеры, которых можно без труда уволить и заменить новыми, их обируют, продают в рабство, убивают*. То, что именно в таких публикациях речь идет о трудностях и бедах конкретных людей (а не о безличной рабочей силе), опять же закономерно. Пробудить в читателе / слушателе понимание и симпатию можно, акцентируя тезис «мигрант – тоже человек», но никак не при помощи метафоры деперсонификации, концептуализирующей людей как часть неживой природы и «работающей» на закрепление уже сложившегося стереотипа.

Миграция рассматривается в СМИ преимущественно как объективный и неизбежный процесс: экономика России нуждается в дополнительных трудящихся из-за рубежа, а то, что они готовы на сверхэксплуатацию, создает заинтересованность бизнеса в их привлечении. Поскольку этот процесс представляется неизбежным, размышления о том, насколько он полезен и желателен для нашей страны, отходят на задний план. Обсуждаются лишь способы оптимизации миграционной политики, как-то: наведение порядка в пограничном контроле, введение миграционных квот, выявление вакантных ниш занятости, социально-культурная адаптация национальных меньшинств, их интеграция в российское общество, предотвращение межэтнических и межконфессиональных конфликтов и т. д.

В то же время, отдельные авторы представляют трудовую миграцию в Россию как результат злой воли западных политиков и находящихся под их влиянием российских государственных деятелей, навязывающих стране этот, заведомо пагубный, путь развития. В отличие от предыдущей точки зрения, данный подход предполагает наличие альтернативы. Миграция не является ни необходимой, ни неизбежной; без нее можно обойтись. Это процесс не объективный, а зависящий от воли определенных людей, и с ним можно и должно бороться... Подобные мысли выражаются обычно весьма эмоционально; язык соответствующих публикаций характеризуется широким использованием стилистически окрашенной лексики и фигур речи, в том числе метафор. Ср.: *орды базарных торговцев; стаи наркодилеров; банды вымогателей и сутенеров; уголовная накипь; своры азиатов, наглых и беспардонных, стремящихся к одному – занять наше место, сделать нашу страну похожей на свои аулы; они несут смерть и разрушение России, превращают наши города в «территорию охоты»* и т.п. (Существование разных картин одного и того же социального явления вполне закономерно – именно так, по-видимому, происходит осмысление новых реалий общественной жизни (ср. наивные образы глобализации, описанные в [Скребцова 2003])).

Миграция вообще нередко уподобляется экспансии, вторжению, захвату, оккупации, причем это происходит не только в материалах, подобных процитированным выше, но и в тех, что написаны с «нейтральной» точки зрения (По-видимому, можно говорить о том, что подобное осмысление процесса миграции носит регулярный характер и не ограничено каким-либо национальным дискурсом – см. [Будаев, Чудинов 2006]). Об опасности концептуализации различных областей жизни в военных терминах написано уже столь много (в частности, в литературе, посвященной русскому языку советской эпохи), что нет необходимости говорить об этом вновь. Печально, однако, что «концептуальный милитаризм» [Баранов, Караулов 1991: 15] оказывается живуч, и мы по-прежнему с готовностью делим окружающую на «своих» и «чужих», причем это деление легко перерастает в оппозицию. «Чужие» оказываются врагами (они *оккупируют, вытесняют, уничтожают коренное население, несут смерть и разрушение России*), и мы начинаем искать те пути разрешения проблемы, которые подсказываются реальными военными действиями (*ставить преграды, строить стены, рвы и концлагеря*).

Активизация фрейма *война* эмоционализирует обсуждение, «а это всегда подозрительно», по мет-

кому выражению В. Клемперера по поводу языка Третьего рейха [Клемперер 1998: 50]. Эмоционализация дискурса СМИ о мигрантах в последнее время идет по нарастающей. Заметным (и, на мой взгляд, чрезвычайно значимым) ее проявлением становится смена аспекта оценки при обсуждении миграционной ситуации в России. Из юридической плоскости разговор переводится в бытовую: категории «легальный / нелегальный мигрант» все чаще заменяются оппозициями «нужный/ненужный», «желательный/нежелательный», «полезный / бесполезный / вредный» и общеоценочными понятиями «хороший/плохой». Ср.: *разработка мер для привлечения в Россию «хороших» мигрантов – соотечественников из государств СНГ и Балтии; отсеб «плохих» мигрантов; надо бы большую часть трудовой миграции без разговоров считать вредной; надо сделать миграционную политику более гибкой, введя балльную систему оценок и упрощая въезд тех, кто набирает больше баллов (т.е. является «желательным» мигрантом); для действительно «полезных» категорий сделать «зеленый коридор»; мигрантов необходимо разделять не на «законных» и «незаконных», а на «нужных» и «бесполезных»; Россия сегодня нуждается только и исключительно в необходимых и полезных для страны мигрантах; отделение тех, кто нужен стране, от тех, чей приезд нежелателен* и т.д.

Очевидно, что происходит существенный сдвиг от объективной оценки, опирающейся на дескриптивные признаки, к субъективной – эмоциональной, утилитарной, телеологической и даже этической (по классификации оценок, предложенной в [Арутюнова 1984]). (На заседании столичного правительства 6.06.07, где обсуждалась московская целевая миграционная программа на 2008-2010 гг., Ю. М. Лужков задал вопрос, «зло для Москвы миграция или добро, помощь», и сам же на него ответил, что «это злая помощь», и далее в обсуждении иначе как «злом» мигрантов не называл) Причем этот сдвиг не связан с позицией субъектов оценки (авторов публикаций): независимо от того, считают они миграцию неизбежным и выгодным для России процессом или явным злом, их речи в последнее время стали более пристрастными и эмоционально окрашенными. Что может означать эта тенденция?

Понятно, что авторы материалов в большинстве случаев (за исключением некоторых жанров электронной коммуникации) выражают не только и не столько собственные мнения и оценки. Они вынуждены учитывать позицию редакции, а также «просчитывать» предполагаемую реакцию массового адресата, принимая во внимание существующие социальные стереотипы. С другой стороны, в их же власти и влиять на эти стереотипы, формировать убеждения, настроения, нормы и ценности аудитории. Связь между идеологиями социальных групп и масс-медиа отчетливо сформулирована одним из виднейших представителей критического анализа дискурса: «идеологии формируются и воспроизводятся посредством языка, иначе говоря, в текстах, в дискурсе. Такие идеологии, как коммунизм, либерализм, феминизм, расизм или антирасизм, не были бы так сильны и не имели бы так много сторонников, если бы их идеи не воспроизводились в ежедневном дискурсе их лидеров и сторонников, не тиражировались бы средствами массовой информации» [Дейк 2000: 50].

Исходя из этого, можно предположить, что нам вполне сознательно предлагают осмыслять и обсуждать проблему трудовой миграции, руководствуясь не разумом и законом, а искусственно возбужденными эмоциями. По словам Е. М. Вольф, «в мире оценок действует не истинность относительно объективного мира, а истинность относительно концептуального мира участников акта коммуникации» [Вольф 1985: 203]. Таким образом, от концептуального мира, построенного на правовом фундаменте (другой вопрос: был ли он построен и в какой степени, если от него так легко отказаться?), мы (под незаметным, но эффективным руководством СМИ) переходим к концептуальному миру, основанному на понятиях *нравится / не нравится, подходит / не подходит, хочу / не хочу*.

Очевидно, что растущая субъективизация дискурса СМИ о мигрантах, приводящая к активизации эмоциональной составляющей общественного сознания, небезопасна. В условиях, когда в отношении мигрантов уже сложился негативный стереотип, она может спровоцировать обострение социальной напряженности, формирование расистских настроений, возникновение межнациональных конфликтов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арутюнова Н. Д. Аксиология в механизмах жизни и языка // Проблемы структурной лингвистики, 1982. М., 1984.
- Баранов А. Н., Караулов Ю. Н. Русская политическая метафора (материалы к словарю). М., 1991.
- Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // М. М. Бахтин. Эстетика словесного творчества. М., 1986.
- Будаев Э. В., Чудинов А. П. Метафора в политическом интердискурсе. Екатеринбург, 2006.
- Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. М., 1985.
- Дейк Т. А., ван. Расизм и язык. М., 1989.
- Дейк Т. А., ван. Язык и идеология: к вопросу о построении теории взаимодействия // Методология исследований политического дискурса. Вып. 2. Минск, 2000.
- Клемперер В. ЛТИ: Язык Третьего рейха. М., 1998.
- Сребцова Т. Г. Наивные картины глобализации: взгляд лингвиста // *Respectus Philologicus*. 2003. N 4. Kaunas, 2003. С. 73-79.
- Трошина Н. Н. Тема национально-культурной идентичности в дискурсе масс-медиа // Этнокультурная специфика речевой деятельности: Сб. обзоров. М., 2000.
- Lakoff G. Metaphor and war: The metaphor system used to justify War in the Gulf // В. Hallet (ed.). Engulfed in

